

Цецен Балакаев

Степные врата

Шесть калмыцких мистерий

Цецен Балакаев

Степные врата: Шесть калмыцких мистерий

<https://litres.ru/74020269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть рассказов-мистерий. Не сказки, не притчи, а таинства, в которых скрывается космос и судьба калмыцкого народа, застывшего между второй и третьей эпохой, между верой и корыстью, между золотой и медной дорогой.

Калмыки верили, что мы живём во второй эпохе – эпохе уменьшения, вражды, удаления добродетели. Что третья эпоха – море крови – уже близка. Но четвёртая – возобновление мира – ещё ближе. Потому что после смерти – жизнь. После ада – рай. После третьей эпохи – четвёртая. И дождь омоет землю от крови.

Эти рассказы – таинства, в которых ты сам можешь узнать себя. Потому что вопросы, которые мучили калмыков веками, мучают и нас сегодня: можно ли купить прощение? Есть ли душа у животных? Что ждёт нас после смерти? И можно ли исправить левой рукой то, что согрешила правая?

Я не знаю ответов. Но я знаю, что калмыки искали их – и находили. В огне очага. В полёте журавля. В тихой молитве сузьюка посреди пустынной степи.

Пусть же и ты найдёшь что-то важное на этих страницах.
Автор.

Цецен Балакаев

Степные врата: Шесть калмыцких мистерий

Цецен Балакаев

«Степные врата: Шесть калмыцких мистерий»

Рассказы-мистерии по старинным верованиям Калмыцкой степи, в которых переплелись космогония, суеверия и судьба калмыков на пороге между второй и третьей эпохой мироздания

Оглавление

1. Чёрный столп и песчаные часы
2. Медная дорога и восемнадцать мук
3. Жёлтая шапка и чёрная клятва
4. Священный огонь и левая рука
5. Тенгри и шесть родов животных
6. Восемнадцать отделений и три дороги

«Вот как калмыки веруют.

Вот как они живут между адом и раем.

Между первой эпохой долголетия и четвёртой – прощенья.

И нет народа суевернее, но нет и народа, который бы так свято верил в то, что даже Бурханы когда-то были людьми, прошедшими через переселение».

ПРОЛОГ

Предисловие к циклу «Степные врата: Шесть калмыцких мистерий»

Дорогой читатель.

Ты держишь в руках не просто сборник рассказов. Это шесть врат в мир, которого больше нет, – или, быть может, который никогда не исчезал полностью, а только спрятался в ковыльной степи, в шёпоте сухой травы, в треске очага, который калмыки называют святилищем огня.

В 1810 году в Санкт-Петербурге вышла книга писателя-сатирика и этнографа Николая Ивановича Стрехова «Нынешнее состояние Калмыцкого народа». Это было этно-

графическое описание – сухое, порой насмешливое, полное европейского высокомерия к «грубому невежеству и пред-рассудкам» кочевников. Автор писал: *«Нет народа суевернее Калмыков»*. Он перечислял их верования – о четырёх эпохах, о Бурханах, о переселении душ, о железных кольцах, которыми миры прикованы к небу, о медной дороге в ад с восемнадцатью отделениями, о священных журавлях, о пороге, на который нельзя садиться, о золе, по которой нельзя ходить.

Страхов не понимал этого мира. Он смеялся над ним.

Я не смеюсь.

Я – рассказчик, рождённый в Калмыцкой степи, который слышит голос бескрайних просторов и понимает: за каждой «нелепой выдумкой» (как писал Страхов) стоит глубокая правда. Правда о том, что все мы – одна семья: человек, скот, зверь, гад, птица и рыба. Правда о том, что грехи имеют последствия – не только в этой жизни, но и в следующих. Правда о том, что добродетель не продаётся и не покупается, а добывается потом и кровью сердца.

Шесть рассказов, которые ты собираешься прочитать – это мистерии. Не сказки, не притчи, а именно мистерии: таинства, в которых за бытовой историей скрывается космос, а за судьбой одного человека – судьба всего калмыцкого народа, застывшего между второй и третьей эпохой, между верой и корыстью, между золотой и медной дорогой.

В первом рассказе, *«Чёрный столп и песочные часы»*, ты

встретишь гецуля Бато и старого Ламу Эренцена, которые почувствовали, как ржавеют железные кольца мироздания. Ты узнаешь, что третья эпоха – море крови – уже дышит в спину, но четвёртая – эпоха прощения – ещё впереди.

Во втором рассказе-мистории, *«Медная дорога и восемнадцать мук»*, ты пойдёшь за Сангалом – гецулем, который решил стать сузьюком, отшельником, и увидели, как душа лжегелюна пытается вырваться из тела, прикованная к нему тяжестью ложных обещаний.

В третьем рассказе-мистории, *«Жёлтая шапка и чёрная клятва»*, ты станешь свидетелем падения Ламы Менке, который продавал веру, как базарный торговец, и был наказан Бурханами прямо во время праздника Цаган-Сара – Белого года, когда бурханы ходят среди людей.

В четвёртом рассказе-мистории, *«Священный огонь и левая рука»*, ты увидишь, как старуха Байрта наступила на золу – святилище огня – и как отшельник Тенгрин вернул огонь дыханием, исправляя левой рукой то, что согрешила правая, по девятому правилу.

В пятом рассказе-мистории, *«Тенгри и шесть родов животных»*, ты пройдёшь путь охотника Мергена, который убивал зверей, не зная, что в них – души его предков, и как он искупал вину три года в степи, пока журавль – вещая птица – не простил его.

В шестом рассказе-мистории, *«Восемнадцать отделений и три дороги»*, ты услышишь предсмертные наставления Ла-

мы Намки, который описал все муки ада – от первого отделения, где просто жарко, до восемнадцатого, где нет ничего, кроме пустоты, и дал десять наставлений, как избежать медной дороги.

Этот цикл мистерий – мой поклон калмыцкому народу, его вере, его стойкости. Даже если вера эта кажется кому-то «составленной из Шаманской, смешанной со многими обрядами других религий и собственными нелепыми выдумками», я утверждаю: в каждой «нелепой выдумке» живёт зерно истины. Истины о том, что мир не случаен. Что душа не умирает. Что добро и зло не уравновешены – добро сильнее, но только если мы сами делаем его сильнее.

Калмыки прошлого верили, что мы живём во второй эпохе – эпохе уменьшения, вражды, удаления добродетели. Что третья эпоха – море крови – уже близка. Но четвёртая – обновление мира – ещё ближе. Потому что, как сказал старый Лама Намка: «После смерти – жизнь. После ада – рай. После третьей эпохи – четвёртая. И дождь омоет землю от крови».

Читай эти рассказы не как исторические документы. Читай их как мистерии – таинства, в которых ты сам можешь узнать себя. Потому что вопросы, которые мучили калмыков двести лет назад, мучают и нас сегодня: можно ли купить прощение? Есть ли душа у животных? Что ждёт нас после смерти? И можно ли исправить левой рукой то, что согрешила правая?

Я не знаю ответов. Но я знаю, что калмыки искали их – и находили. В огне очага. В полёте журавля. В тихой молитве сузююка посреди пустынной степи.

Пусть же и ты найдёшь что-то важное на этих страницах.
Автор.

Февраль 2026 года.

ЧЁРНЫЙ СТОЛП И ПЕСЧАНЫЕ ЧАСЫ

Первый рассказ-мистерия по старинным калмыцким верованиям

Пролог: Дыхание степи

Степь под Астраханью в ту осень дышала горечью полыни и медью. Бато, молодой гецуль – низший священнослужитель, – стоял на коленях перед походным алтарём в кибитке своего Ламы. Перед ним, на возвышении из резного дерева, золотились Бурханы. В серебряных жертвенных чашах темнело сарацинское пшено, рассыпались орехи, и белело молоко – три дара миру, что родился из пены и дождя.

Бато не молился. Он слушал.

В трубе курильницы тлел аромат, похожий на сон. Лампада с маслом чадила еле заметно, и в этом мареве старый Ламма, которого звали Эренцен, читал на Тангутском языке книгу, написанную знаками, как паутина. Бато разбирал только ритм. Но сегодня этот ритм был иным.

– Хар жил, – вдруг прошептал Лама, закрывая фолиант. – Чёрный год. Ты знаешь, мальчик, почему мы живём во второй эпохе?

Бато вздрогнул. Он знал поучения: в первую эпоху люди жили по восемьдесят тысяч лет и возносились на небо живыми. Но сейчас настала вторая – век уменьшения и гнева. Рост исполинов ушёл. Добродетель, как дикий зверь, бежала в горы. Люди избрали царей, чтобы те властвовали над их злобой.

– Мы живём во второй, учитель, – ответил Бато. – Но третья ещё не пришла.

– Пришла, – выдохнул Эренцен так тихо, что свечи в подсвечниках дрогнули. – Не для всех. Но для тех, кто родился под знаком Железного Зайца – она уже здесь. Садись. Я расскажу тебе о столпе.

Часть первая: Ось мира и железные кольца

По учению калмыков, мир не был сотворён из ничего. Он выдохнулся из хаоса, как вздох умирающего великана. Сначала была вода. Вода отделилась от тверди, поднялась паром, и ударил дождь – первый, солёный, как слеза. Из смеси веществ родился океан. И вот из морской пены, точно боги, рождённые в агонии, вышли растения, звери, человек и сами Бурханы.

Но самое дивное было потом.

Из центра того первозданного океана, дрожа и извергая огонь, поднялся столп. Он был чернее ночи и выше облаков. Калмыки называли его *Алтын-Боо* – Золотая Связь. Вокруг этого столпа, как бешеные кони на аркане, вращались звёзды, планеты и целые миры. И все они были прикручены к небу железными кольцами.

– Почему железными? – спросил однажды Бато своего наставника.

– Потому что небо ревнует, – ответил тот. – Оно хотело бы уронить нас в бездну. Но Бурханы, которые имеют право перелетать из мира в мир, сковали эти кольца. Солнце, мальчик, сделано из огня и стекла. Луна – из стекла и воды. Поэтому луна тает, а солнце жжёт.

Бато смотрел на ночное небо через дымовое отверстие кибитки. Миллион звёзд, не десять тысяч, как сказано в старых книгах, а целый миллион! И каждый прикован к своей оси. А где-то там, между небом и землёй, висит ад с восемнадцатью отделениями. И дорога к нему – золотая, серебряная или медная. Для каждого греха – своя цена.

В ту ночь, когда Лама Эренцен позвал его, Бато понял: железные кольца начали ржаветь.

Часть вторая: Кровь на пороге

Всё началось с пустяка.

Богатый скотовод по имени Мутл, чей род славился же-

стокостью, застрелил журавля. Журавль упал на порог его собственной кибитки, и птичья кровь брызнула на золу очага.

Это было тройное святотатство.

Во-первых, журавль – вещая птица. В него могли вселиться души умерших предков, проходящих через переселение. Во-вторых, порог – это граница миров. Сесть на пороге считалось ужасным беззаконием, не то что обагрить его кровью. В-третьих, зола. Огонь – божество. Очаг – его святилище. Ходить по золе или держать ноги близко к огню – навлечь гнев небес. А Мутл, добывая раненую птицу, пнул ногой горячую золу прямо в священные чаши с молоком.

– Он проклят, – шептались в хотоне. – И с ним весь наш род.

Лама Эренцен не спал третьи сутки. Он листал огромную книгу в кожаном переплёте – те самые иероглифические знаки, начертанные в незапамятные времена. На коленях у него лежали чётки. Жёлтое одеяние высшего духовенства было измарано воском.

– Я высчитал час его рождения, – сказал Лама, когда Бато принёс кумыс. – И час его смерти. Они совпадают. Это дурной знак.

– Что же делать? – спросил Бато. – Гурюм? Поминальное моление?

– Гурюм? – горько усмехнулся Эренцен. – Мутл жив ещё. Но если мы проведём обряд сейчас, то его душа, ещё не

покинувшая тело, услышит молитвы о переселении. Он может уйти в мир тенгров раньше времени. А он не готов. Это грешник. И грешников судит не Лама, а Тот, кто сидит на медной дороге.

Старый Лама поднялся. Он подошёл к идолам – добрые Бурханы в молитвенных позах, злые – беснующиеся и безобразные. Между ними висели бубны, трубы, рожки, кружки с погремушками и колокола. Эренцен взял колокол.

– Завтра полнолуние. Собери гецулей и манжиков. Мы будем читать «Предохранительную от злых духов молитву». Но это не спасёт. Потому что, – он понизил голос, – мы уже не во второй эпохе. Мы стоим на пороге третьей.

Часть третья: Сон о потопе

Бато лёг спать в кибитке для послушников. Ему снилась вторая эпоха, какой её описывали древние тексты.

Он видел исполинов – людей ростом с молодую сосну. Они дрались за пашни и женщин. Добродетель, похожая на золотую лань, убегала от них всё дальше в пустыню. Тогда Бурханы, сжалившись, иногда являлись на землю. Они учили смертных не враждовать. Но люди не слушали. Тогда они избрали царей. Цари надели железные короны и сказали: «Мы будем владеть вами, ибо вы не умеете владеть собой».

И тут сон изменился.

Бато увидел третью эпоху. Она пришла не с громом, а с

тишиной. Слон, гордый и огромный, сжимался до размеров барана. Лошадь, чей бег был быстрее ветра, становилась с зайца. Люди начинали сесть в десять лет, а жениться – в пять. Рождение и смерть так сближались, что мать не успевала запомнить лицо сына, прежде чем он умирал стариком.

А потом пришло море.

Оно не наступало с горизонта. Оно проступало из земли, из каждой трещины, из каждой ссоры. Потому что море в третьей эпохе – это кровь. Люди так много враждовали, что кровь убитых поднялась и затопила степи. И не осталось ни одного сухого клочка, кроме... кроме Чёрного столпа.

Бато проснулся в холодном поту. Рядом кто-то плакал. Это был манжик – ученик веры, мальчик лет двенадцати.

– Господин гецуль, – зашептал мальчик. – У Мутла родился сын. Но ребёнок умер через час. И когда его завернули в пелену, то увидели, что у него нет глаз. Только две красные ямки.

– Это знак, – сказал Бато. – Он родился, чтобы увидеть конец. Но Бурханы запретили ему смотреть.

Часть четвертая: Золотая дорога и суд

Наутро весь улус собрался у идолослужебной кибитки. Её накануне перевезли на новое место – подальше от кибитки Мутла, но проклятие, казалось, перекочевало вместе с колёсами.

Лама Эренцен облачился в красную перевязь и жёлтую шапку. В руках он держал чётки из чёрного дерева. Рядом стояли геллунги – священники, каждый ведал сотней кибиток. Бато, как гецуль, стоял позади, держа кружку с погремушкой.

– Мутл! – крикнул Лама. – Выйди перед лики Бурханов.

Мутл вышел. Это был огромный мужчина с лицом, изъеденным оспой. Он не плакал. Он был зол.

– Я убил птицу, – грубо сказал он. – Это грех? Но я голодал. Мои овцыдохнут от чёрной болезни. Журавль клевал падаль.

– Ты убил не птицу, – спокойно ответил Эренцен. – Ты убил возможность. В теле журавля могла быть душа твоего деда, который проходит четвёртую ступень переселения, чтобы стать тенгри. А теперь эта душа упала в ад. И дорога туда – медная. Ты знаешь, что такое медная дорога?

Мутл молчал.

– Это стыд, – сказал Лама. – Золотая дорога – для святых. Серебряная – для праведников. Медная – для тех, кто убил без нужды. Твой дед будет три миллиона лет ходить по раскалённой меди, прежде чем родится заново. Но проблема не в этом.

Лама поднял руку. Бубны замолкли.

– Проблема в том, что ты ускорила третью эпоху. Каждое злодеяние приближает море крови. Мы живём во второй эпохе, где люди ещё могут выбрать добродетель. Но ты,

Мутл, открыл ворота. И теперь...

Он не договорил.

В воздухе раздался звук, похожий на треск рвущейся ткани. Это железное кольцо, которым один из миров был прикован к небу, лопнуло. Звезда упала – не метеор, а целый маленький мир, с лесами и горами. Он пронёсся над степью, роняя искры, и рухнул за горизонтом. Земля вздрогнула.

– Во имя Верховного Ламы! – закричал Эренцен, хватая трубу. – Именем бесчисленных Бурханов! Слушайте, шесть родов животных: человек, скот, зверь, гад, птица и рыба! Слушайте молитву!

И он запел на Тангутском языке. Бато никогда не слышал такого пения. Голос Ламы был не человеческим – он шёл из желудка, из костей, из тех глубин, где спит первая эпоха с восьмидесятитысячелетним человеком.

Геллунги вторили. Манжики били в колокольчики. А Мутл стоял на коленях, и по его щекам текла кровь – не слёзы, а именно кровь. Проклятие вошло в него.

– Верую и поклоняюсь, – шептал Бато, падая ниц. – Препоклоняю колено перед великим духовенством. Сии четыре существа – Лама, Бурханы, духовенство, закон – помилуйте нас. Мы не готовы к морю крови. Дайте нам дожить вторую эпоху.

Часть пятая: Гурюм и молчание колоколов

Мутл умер через семь дней.

Он не был убит. Он просто сел на пороге своей кибитки – сознательно, с вызовом – и перестал дышать. Зурхачи-астрологи, сверившись с огромными книгами, объявили: его душа приговорена к восемнадцати отделениям ада на десять миллионов лет. После чего она переселится в волка. Потом в змею. Потом – если повезёт – в честного ремесленника. И только через тысячу жизней, возможно, станет тенгри – воздушным духом.

Но случилось неожиданное.

Лама Эренцен, вопреки обычаю, не велел собирать богатый гурюм. Он вышел к наследникам Мутла – двум его сыновьям и вдове – и сказал:

– Оставьте имущество себе. Не приносите в жертву ни копей, ни овец. Не зовите дальних родичей. Ваш муж и отец убил вещью птицу на пороге святилища огня. Бурханы отвернулись от него. Если вы отдадите хурулам всё, что имеете, ваши дети умрут с голоду, а его душа не станет легче.

Вдова заплакала. Старший сын, юноша с жёсткими глазами, спросил:

– Но как же закон предков? Как же поминовение? Гурюм – это наша обязанность.

– Есть десять правил, – ответил Лама. – Первое: повинуйся духовенству. Я говорю тебе – не тратьте скот. Второе: почитай отца и мать. Твой отец не почитал никого. Третье: помогай бедным. Раздайте мясо, которое закололи бы на гурю-

ме, голодным соседям. Это будет лучше, чем кормить лам, которые и так жирны.

Бато, стоявший позади, удивился. Он никогда не слышал от Ламы таких слов. Эренцен всегда строго соблюдал обряды. Но сейчас старик смотрел на горизонт, где упала звезда-мир, и глаза его были пусты.

– Учитель, – осмелился спросить Бато, когда толпа разошлась. – Почему вы отказались от гурюма? Вы же сами учили, что поминовение – мост между миром живых и миром мёртвых.

– Потому что мост обрушился, – сказал Эренцен. – Третья эпоха уже здесь, Бато. Не для всех – но она здесь. В первой эпохе люди возносились на небо живыми. Во второй – догнивают в земле. В третьей – не будет даже земли. Будет только море крови. Зачем гурюму тому, кто утонет в крови?

Часть шестая: Птицы вещие и последний рассвет

Через месяц после смерти Мутла в улус пришла чёрная оспа.

Болезнь не щадила никого. Умирили дети, умирали старики. Лама Эренцен каждое утро читал предохранительные молитвы, но Бурханы молчали. Тогда геллунги сказали народу:

– Это Мутл проклял нас. Его душа, ещё не ушедшая в ад, бродит среди кибиток и дышит смертью.

Испуганные калмыки пришли к Ламе с требованием – провести особое изгнание. Но Эренцен сказал им:

– Не Мутл убивает вас. Это время. Песочные часы второй эпохи почти пусты. Посмотрите на детей – они родятся слабыми. Посмотрите на скот – лошади мельчают. Это признаки. Слон станет с барана. Лошадь – с зайца. А мы... мы женимся в пять лет и одряхлеем в десять.

Бато сидел в своей кибитке и перебирал чётки. Он вспоминал молитву, которой его учили в детстве:

«Верую и поклоняюсь верховному Ламе. Верую и поклоняюсь бесчисленным Бурханам. Преклоняю колено перед великим духовенством. Почитаю и поклоняюсь святому закону. Сии четыре существа несомненно прошу помиловать обитающих в сём мире шесть родов животных: Человека, скотов, зверей, гадов, птиц и рыб. Молю, чтобы умерших земнородных водворить со святыми в вечное блаженство; молю наказать праведным судом злодействующих нам; молю благословить, да пребываем во всяком изобилии, как в сей так и в идущей жизни».

Он повторял эти слова снова и снова, но в них не было силы. Только страх.

На рассвете, когда степь окрасилась в цвет старой меди, Бато увидел журавля. Одинокого, летящего на север. Птица сделала круг над хотоном, крикнула три раза и упала замертво прямо в потухший очаг опустевшей кибитки Мутла.

– Знак, – прошептал Бато. – Конец.

Он побежал к Ламе. Эренцен сидел на кошме, обложенный книгами. Перед ним лежала астрологическая карта, начерченная углём на бараньей лопатке.

– Садись, – сказал Лама. – Я высчитал. Море крови придёт через семью семь сорок девять лет. Не при нашей жизни, Бато. При жизни твоих детей. Но ты ещё успеешь увидеть его начало.

– Что мне делать? – спросил Бато.

– Помни десять правил, – сказал Эренцен. – Не убивай животных. Не садись на порог. Не гаси очаг ногой. Повинуйся духовенству, даже если духовенство глупо. Почитай отца и мать. И главное – не отчаивайся. После третьей эпохи придет четвёртая. Умершие вернутся из ада. Дождь омоет землю от крови. И люди снова будут жить по восемьдесят тысяч лет.

– Но я не увижу этого, – сказал Бато.

– Никто из нас не увидит, – улыбнулся Лама. – Но мы можем стать тенгри. Воздушными духами. И перелететь из этого мира в другой. Бурханы имеют на это право. И мы получим его – если пройдем через все степени переселения.

Он замолчал. Потом снял с шеи чётки и повесил их на шею Бато.

– Ты будешь ламой после меня, – сказал он. – Не потому, что ты самый умный. А потому, что ты самый испуганный. Испуганный человек лучше слышит Бурханов.

Заключение: Чёрный столп и вера

Бато стал ламой в двадцать три года. Он носил жёлтое одеяние и красную перевязь. Он благословлял молельщиков возложением рук на голову и прихлёбывал рассахарённую воду во время службы. Он хоронил умерших и читал предохранительные молитвы.

Но каждую ночь он выходил из кибитки, смотрел на звёзды и думал о железных кольцах. Где-то там, над головой, невидимые Бурханы перелетают из мира в мир. А внизу, под ногами, между небом и землёй, висит ад с восемнадцатью отделениями. И миллиарды душ бродят по золотым, серебряным и медным дорогам.

Он верил, что четвёртая эпоха придёт. Что добродетель вернётся в мир. Что море крови высохнет. И что когда-нибудь, через тысячу переселений, он сам станет тенгри – лёгким, как ветер, и свободным, как журавль.

Но до этого нужно было жить во второй эпохе. Уменьшаться. Стареть. Терять.

Степь шумела полынью. В кибитке горела лампада. И колокола на идолослужебной кибитке молчали – потому что звонить в них можно было только в день Цаган-Сара, в Белый год, когда мир обновляется и Бурханы слушают людей.

Тот день был ещё далеко.

Но он был.

И в этом заключалась вся вера калмыков – в том, что даже

после моря крови есть жизнь. Есть дождь. Есть прощение.

Бато закрывал глаза и шептал:

«Верую и поклоняюсь...»

Ветер уносил его голос в небо, прикованное железными кольцами к Чёрному столпу.

И звёзды дрожали, потому что слышали человека.

А человек верил.

Ом мани падме хум.

МЕДНАЯ ДОРОГА И ВОСЕМНАДЦАТЬ МУК

Второй рассказ-мистерия по старинным калмыцким верованиям

Пролог: Шёпот за правым плечом

В год Железной Собаки, когда ветер дул с востока тридцать три дня подряд, в улусе старого нойона Дорджи случилось небывалое – умер Гелюн, не дожив до своих сорока лет. Это само по себе было дурным знаком, ибо настоящий священник должен был жить долго, накапливая заслуги для переселения. Но страшным было другое: умирая, Гелюн открыл глаза и заговорил голосом, не принадлежавшим ему.

– Я иду по медной дороге, – сказал он, и из его рта вылетела серая моль. – Не хороните меня в землю. Положите на высокий камень. Пусть птицы склюют моё тело. Это един-

ственный способ спасти мою душу от восемнадцатого отделения.

Он умер в ту же минуту. А по улусу пополз слух, что Гелюн при жизни брал деньги за молитвы о переселении душ богатых калмыков в тенгров – обещал то, что не мог дать. И теперь расплачивался.

Молодой гецуль по имени Сангал, ученик умершего, сидел у его ног и не знал, что делать. Ему было девятнадцать лет. Он носил простой коричневый халат и не имел права жениться – как все молодые служки. Но у него были глаза, которые видели слишком много. Например, он видел, как его учитель брал золотые монеты из рук старого скотовода Бамбы и шептал:

– Твоя душа, когда покинешь тело, не пойдёт в ад. Я умолю Бурханов. Ты станешь Тенгри – воздушным духом. Будешь летать над степью и пить ветер.

Сангал тогда спросил:

– Учитель, разве мы можем обещать такое? Разве переселение душ не зависит от поступков человека, а не от наших молитв?

Гелюн рассмеялся – сухо, как треск сухой травы под ногой.

– Мальчик, – сказал он, – духовенство составляет десятую часть народа. Если мы не будем обещать, кто будет нас кормить? Кто подарит нам кибитки и скот? Богатые калмыки платят за надежду. А надежда – это товар дороже золота.

Теперь Гелюн лежал мёртвый, и его рот был открыт, словно он хотел выкрикнуть какое-то последнее слово, но не успел.

Сангал встал, освятил себя по-буддийски тремя сложенными пальцами ко лбу, к губам, к груди и пошёл к Ламе.

Часть первая: Сузьюк из песков

Лама Эренцен – тот же самый старый Лама, что наставлял Бато много лет назад – теперь сам был почти тенью. Его жёлтое одеяние висело мешком на иссохшем теле. Чётки из чёрного дерева стёрлись до белизны. Он жил уже седьмой десяток и, по слухам, готовился к своему последнему переселению.

Сангал застал его за странным занятием.

Лама сидел на корточках перед очагом и что-то шептал золе. Огонь – божество – тихо потрескивал, и казалось, отвечал ему.

– Учитель, – сказал Сангал, почтительно касаясь лбом земли. – Гелюн умер. Он говорил о медной дороге. Что мне делать с его телом?

Эренцен не обернулся. Он продолжал шептать золе, и только через минуту поднял голову.

– Ты знаешь, что такое медная дорога? – спросил он.

– Дорога в ад для грешников, – ответил Сангал. – Золотая – для святых, серебряная – для праведников, медная – для убийц и лжецов.

– А сколько отделений в аду?

– Восемнадцать, учитель.

– И какие муки в восемнадцатом?

Сангал замолчал. Он знал, что в первом отделении грешников жарят на сковородах. Во втором – морозят льдом. В третьем – режут на части и собирают заново. Но восемнадцатое... О нём не говорили вслух.

– Я покажу тебе, – сказал Эренцен. – Но сначала ты должен понять, почему Гелюн умер так рано и почему его душа уже сейчас, ещё не покинув тело, идёт по медной дороге.

Старый Лама встал, взял с алтаря медный колокольчик и позвонил один раз. Звук был низким, похожим на стон.

– В древние времена, – начал Эренцен, – закон Джайк ограничивал число духовных при каждой кибитке. Мудрые предки знали: чем больше жрецов, тем больше ложных обещаний. Теперь же наши правители духовенства нарушили этот закон. Они окружили себя туменами мальчиков и юношей, постриженных в духовные. Со всех молодых тунейдцев, избегающих работы и службы, они собирают большие деньги. И каждый из этих юношей, как только получает накидку оркимджи, начинает торговать надеждой.

Он помолчал.

– Гелюн был одним из них. Он не верил в Бурханов. Он верил в золото. Но Бурханы – даже самые низшие из них – слышат каждое слово. И когда человек говорит: «Я умолю Бурханов о переселении твоей души в тенгри», а сам при этом думает только о монетах, его собственная душа начи-

нает ржаветь, как железное кольцо, приковавшее мир к небу.

– Что же мне делать с его телом? – снова спросил Сангал.

– Ты слышал его последние слова, – сказал Лама. – Он просил положить его на высокий камень. Сделай так.

– Но это против обычая! – воскликнул Сангал. – Мы всегда хороним умерших. Поминаем их гурюмом. Раздаём имущество.

– Имущество? – горько усмехнулся Эренцен. – У Гелюна не было имущества. Он всё отдал за обещания, которые не мог исполнить. Он умер нищим. И это – его истинное наказание.

Часть вторая: Камень в степи

Сангал и двое манжиков – учеников веры – отнесли тело Гелюна в степь. Они нашли большой плоский камень, поросший лишайником, и положили тело покойного на него, лицом к вечному небу.

Вокруг сразу же начали кружиться птицы. Не журавли – те были святыми, и они не питаются мертвечиной. Кружились вороны.

Сангал прочитал молитву:

«Молю, чтобы умершего земнородного водворить со святыми в вечное блаженство...»

Но когда он открыл глаза, чтобы завершить обряд, то увидел нечто странное. Тело Гелюна начало светиться. Не ярко – как тлеющий уголь, который забыли засыпать золой. Из груди поднимался слабый золотистый дым, и в этом дыме Сан-

гал различил лицо – не лицо Гелюна, а чьё-то другое, чужое, с закрытыми глазами.

– Он пытается выйти, – прошептал один из манжиков. – Но не может.

– Потому что дорога медная, – ответил второй. – Она тяжёлая. По ней не идут – по ней ползут.

Сангал вспомнил учение: ад находится между небом и землей. Он висит там, невидимый для живых, но доступный для мёртвых. Восемнадцать отделений. Восемнадцать видов мук. И мучения эти не вечны – они длятся несколько миллионов лет. Но для того, кто страдает, миллион лет – это как вечность.

Он закрыл лицо руками и отвернулся.

– Идём, – сказал он манжикам. – Мы ничего не можем сделать. Теперь его судит Судия – тот, кто сидит на золотой, серебряной или медной дороге, в зависимости от грехов.

Они пошли обратно в хотон. Но всю дорогу Сангал чувствовал за своим правым плечом чей-то взгляд. Он оборачивался – никого не было. Только ветер гнал перекати-поле, и вдалеке маячили всадники.

– Тенгри? – спросил он сам себя.

– Нет, – ответил ему ветер. – Мы ниже тенгров. Мы – воздушные духи, которые застряли между смертью и рождением. Мы ждём своей очереди уже три тысячи лет.

Сангал осенил себя трижды и ускорил шаг.

Часть третья: Ночь астролога-зурхачи

Вернувшись в хотон, Сангал застал странное оживление. У кибитки старого нойона Дорджи толпились люди. Горели факелы. Кто-то плакал.

– Что случилось? – спросил Сангал у первого встречного манжика.

– Нойон вызывает зурхачи, – ответил тот, бледнея. – Его младший сын, трёх лет, сел на порог. Сел и засмеялся. А когда мать подбежала, чтобы оттащить его, он сказал: «Я скоро уйду. Я уже видел медную дорогу. Она красная, как язык у верблюда».

Сангала пробрал озноб.

Он пробился сквозь толпу и вошёл в кибитку нойона. Внутри, вокруг очага, сидели старейшины. Нойон Дорджи – грузный мужчина с лицом, изрытым оспой – держал на коленях сына. Мальчик был бледен, но спокоен. Он смотрел прямо перед собой и улыбался.

– Зурхачи ещё не пришёл? – спросил нойон.

– Я здесь, – раздался голос из тёмного угла.

Из тени вышел старик. Он был одет в чёрное, без шапки и перевязи – не духовное лицо, а особенный жрец, занимавшийся единственно назначением дней счастливых и несчастных. В руках он держал огромную книгу, переплетённую в кожу человеческого цвета, с иероглифическими знаками, начертанными во времена отдалённые.

– Я вычислил час его рождения, – сказал зурхачи, не здороваясь. – Он родился в год Огненной Лошади, в месяц за-

мерзающей воды, в час, когда змеи уползают в норы. Ему суждено умереть на третьем году жизни, если он сядет на порог.

– Он сел, – глухо сказал нойон.

– Тогда он умрёт через семь дней. Я не могу изменить то, что написано в старых книгах. Я могу только сказать – когда именно и от чего.

– От чего? – спросил нойон, и в голосе его прозвучала надежда. Может быть, можно будет предотвратить?

Зурхачи раскрыл книгу. Знаки на страницах шевелились, как черви. Он водил пальцем по строкам и шептал что-то на Тангутском языке.

– Он умрёт от укуса змеи, – сказал наконец зурхачи. – Но это не важно. Важно другое. Его душа после смерти пойдёт не в ад и не в рай. Она будет ждать. Потому что мальчик – это не человек. Это знак. Бурханы послали его, чтобы напомнить вам о четвёртой эпохе.

В кибитке стало тихо. Даже огонь перестал потрескивать.

– Объясни, – потребовал нойон.

– Четвёртая эпоха, – сказал зурхачи, закрывая книгу, – это время, когда умершие возвращаются из ада на землю. Благодетельный дождь омоет землю от крови. Люди подружатся с добродетелью и будут жить по восемьдесят тысяч лет. Но до этого наступит третья эпоха – море крови. Ваш сын – первый из тех, кто вернётся после моря. Он пришёл слишком рано. Поэтому он и сел на порог – потому что он ещё не понял,

жив он или мёртв.

Нойон встал. Лицо его было белым, как сарацинское пшено из жертвенных чаш.

– Уходите, – сказал он. – Все уходите.

Сангал вышел последним. На улице он поймал зурхачи за рукав.

– Это правда? – спросил он. – Мальчик действительно умрёт?

Зурхачи посмотрел на него. Глаза у старика были жёлтыми – как у птицы.

– Правда, – сказал он. – Но не в этом суть. Суть в том, что он сказал о медной дороге. Дорога красная, как язык верблюда. Это – знак для тебя, Сангал.

– Для меня?

– Ты следующий Гелюн, – сказал зурхачи. – Тебе решать: пойдёшь ли ты по золотой, серебряной или медной дороге. Мальчик умер, чтобы ты увидел свой выбор.

Он развернулся и исчез в темноте, унося свою страшную книгу.

Часть четвёртая: Гурюм и наследство

Мальчик умер через семь дней, как и предсказал зурхачи. Его укусила змея – маленькая, песочного цвета, выползшая из трещины в полу кибитки. Нойон Дорджи убил змею, раздавил её ногой – но потом испугался, потому что ходить по золе или давить живое ногой было грехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.